

ТЮРКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КОНЯМИ В УРОЧИЩЕ БАЙ-БУЛУН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Могильное поле Красная горка, расположенное в Центральной Туве на левом берегу Улуг-Хема (Енисей), в урочище Бай-Булун, изучалось Тувинской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) в 2015 г. В статье представлена полная публикация материалов двух объектов (№3 и 5) памятника Красная горка-19, относящихся к тюркскому времени.

Объект №3 – подкурганное погребение в подбое с двумя сопровождающими конями и установленной в 3 м к востоку – юго-востоку стелой, в качестве которой использован «оленный» камень, вкопанный «вверх ногами». Погребение не ограждено, представлен весь положенный инвентарь. Приведены антропологические и палеозоологические определения, дана краткая интерпретация рассматриваемого комплекса и отмечено его место в кругу синхронных памятников Тувы и Центральной Азии.

Отдельное внимание обращено на вырезанные знаки (возможно, тамги) на центральных роговых накладках на лук. Отмечено отсутствие прямых аналогий этим знакам в орхонском и енисейском алфавитах, а также в корпусе известных тамг и тамгообразных знаков Тувы и сопредельных территорий.

Ключевые слова: Тува, тюрки, курган, захоронение с конем, тамга.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-05

Введение

Курганный могильник Красная Горка-19 расположен к северу от 37-го километра автодороги Кызыл – Ак-Довурак в урочище Бай-Булун (рис. 1). Состоит из шести объектов. Объекты №3 (курган) и №5 («оградка») относятся к тюркской культурной традиции периода раннего средневековья. Таких комплексов в Туве изучено относительно мало. После 1980-х гг. они не исследовались, так что мы решили опубликовать этот материал отдельно и полностью. Остальные объекты указанного памятника относятся к кокельской [Садыков, 2016] и кыргызской археологическим культурам.

«Поминальная оградка» – плоская прямоугольная вымостка размерами 2,6 × 2 м, ограниченная вертикально установленными плитами, ориентированная длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ (рис. 2). В северо – северо-восточной половине обнаружена яма глубиной 0,36 м, по всей видимости, от стоявшей там некогда стелы (или столба).

Оградка №5 расположена в 60 м к югу – юго-западу от кургана №3, и длинной осью она направлена примерно в его же направлении (с отклонением в 10 градусов). Находок в ней нет, и сложно что-то сказать о возможной связи между ними.

Отдельно можно упомянуть, что на том же могильном поле, в 420 м к югу от кургана №3, исследована еще одна оградка [Килуновская и др., 2017], для которой нет «парного» кургана. Она очень необычна, содержит захоронение коня и, возможно, относится к чуть более раннему времени.

Результаты исследований

Курган №3 (рис. 3–9) до раскопок представлял собой плоскую насыпь подовальной формы диаметрами 8,5 × 7,5 м. В 3 м к востоку – юго-востоку установлена стела.

Конструктивная основа данного объекта – кольцо диаметром 5,5 м, сложенное из крупных камней в один слой, ясно различимое уже сразу после раздерновки (рис. 3). Камни внутри кольца лежат относительно беспорядочно.

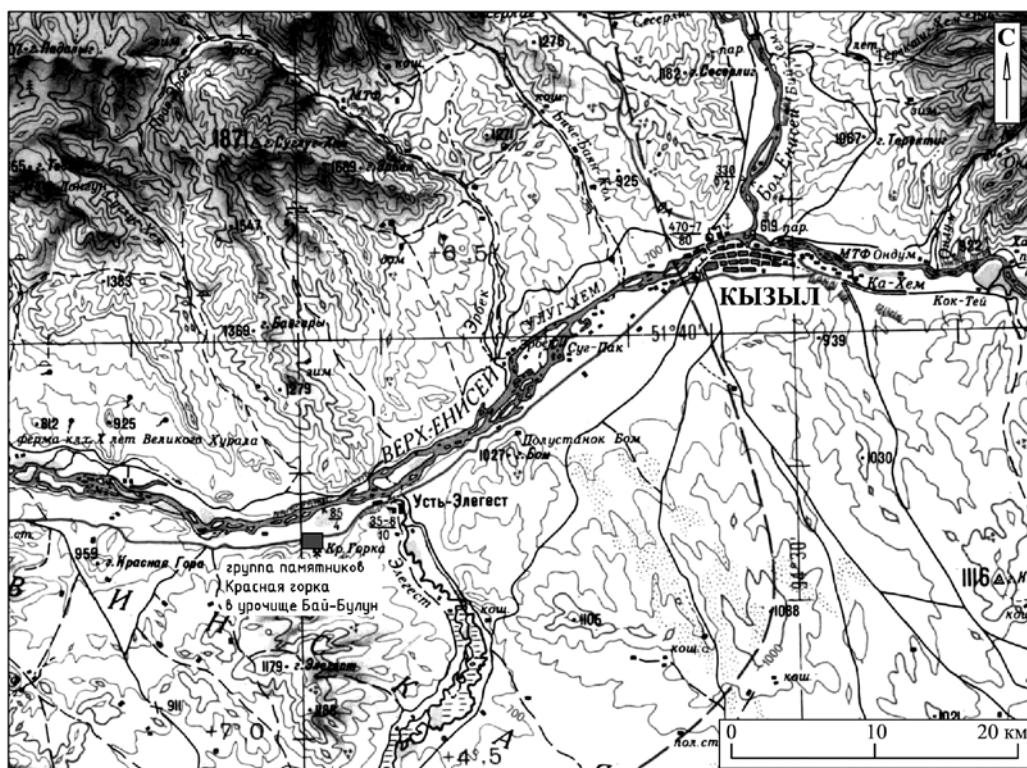

Рис. 1. Расположение группы могильников Красная Горка относительно г. Кызыла

Кроме центральной могильной ямы, при раскопках отмечено несколько объектов. К северу от центра кургана (в пределах кольца) под верхним слоем камней зафиксировано скопление костей барана. Небольшая подквадратная яма (длина – 1 м, глубина – 0,77 м) зафиксирована в 0,3 м к северо-западу от кольца, еще одна, округлая (диаметр – 0,4 м, глубина – 0,2 м), найдена под кольцом в западной его части. Находок в них нет.

Стела, расположенная в 3 м к востоку – юго-востоку от кургана, оказалась «олениным» камнем аржано-майэмирского времени (рис. 5), вкопанным «вверх ногами», «лицом» в сторону от кургана. В заполнении ямы, в которую поставлена стела, встречалась мелкая галька, которая могла появиться там только в результате выброса из ямы центрального погребения (прослойки гальки появляются в материковой супеси довольно глубоко, чуть выше уровня погребения). Таким образом, стела синхронна погребению и установлена, когда центральная яма уже была выкопана и, как нам кажется, еще не засыпана.

Центральная могильная яма имела прямоугольный контур (2 × 1,3 м), длинной осью ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении ямы, на глубине 0,4 м от уровня древней поверхности, у северо-северо-восточного края найден фрагмент железного предмета (рис. 6.-1). Это, возможно, железный колчанный крюк, хотя сам крюк отходит от железной площадки не по прямой оси, как это бывает обычно, а под углом 45°. К тому же предмет сломан, его полная форма непонятна.

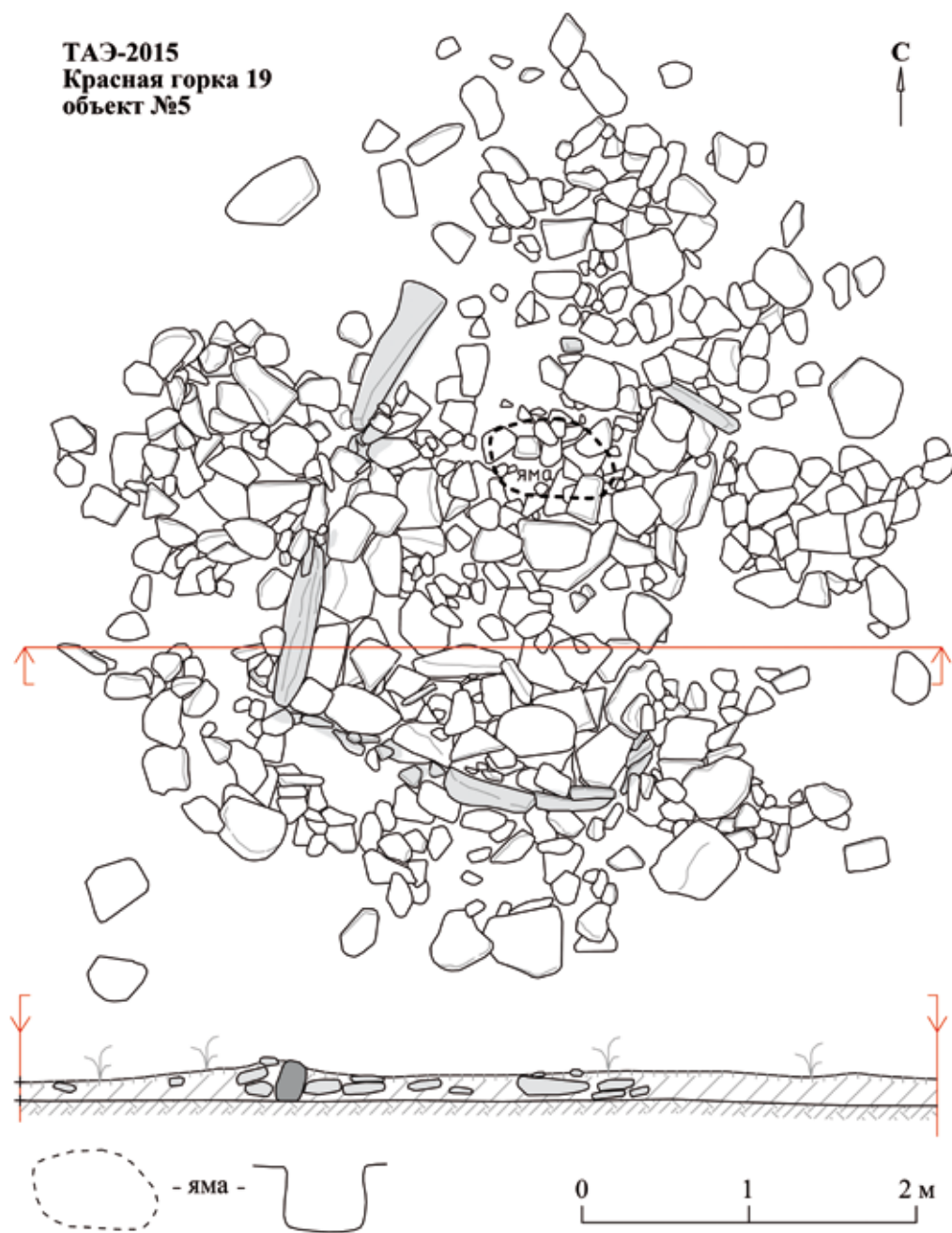

Рис. 2. Красная Горка-19, объект №5. «Поминальная оградка»

С глубины 0,6 м (примерно) от древней поверхности начинается подбой в северо-северо-восточном направлении. На дне ямы по этой линии идет ряд крупных, вертикально установленных камней. Мы не можем однозначно сказать, закрывал ли этот ряд подбой полностью, так как материковая супесь довольно рыхлая.

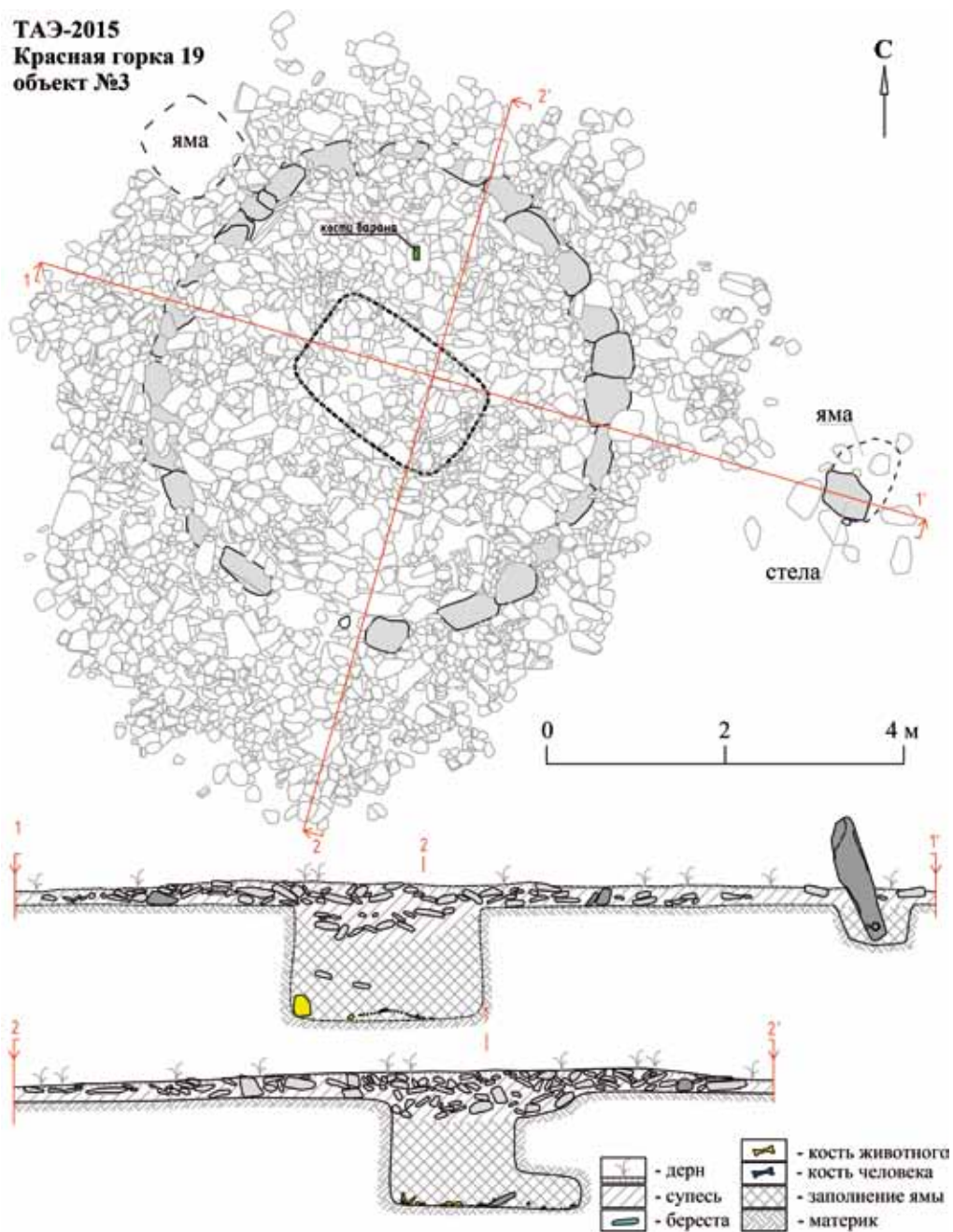

Рис. 3. Красная Горка-19, объект №3. План сооружения и разрезы

Два взнузданных коня лежали в основной яме, головами на запад – северо-запад (рис. 4). А.К. Каспаровым (ИИМК РАН) сделаны следующие определения: «Северный конь – самец, следов забоя нет. Возраст 5–6 лет, высота в холке около 138 см. В течение жизни животное, вероятно, ходило под седлом и взнуздывалось удилами. Лошадь до-

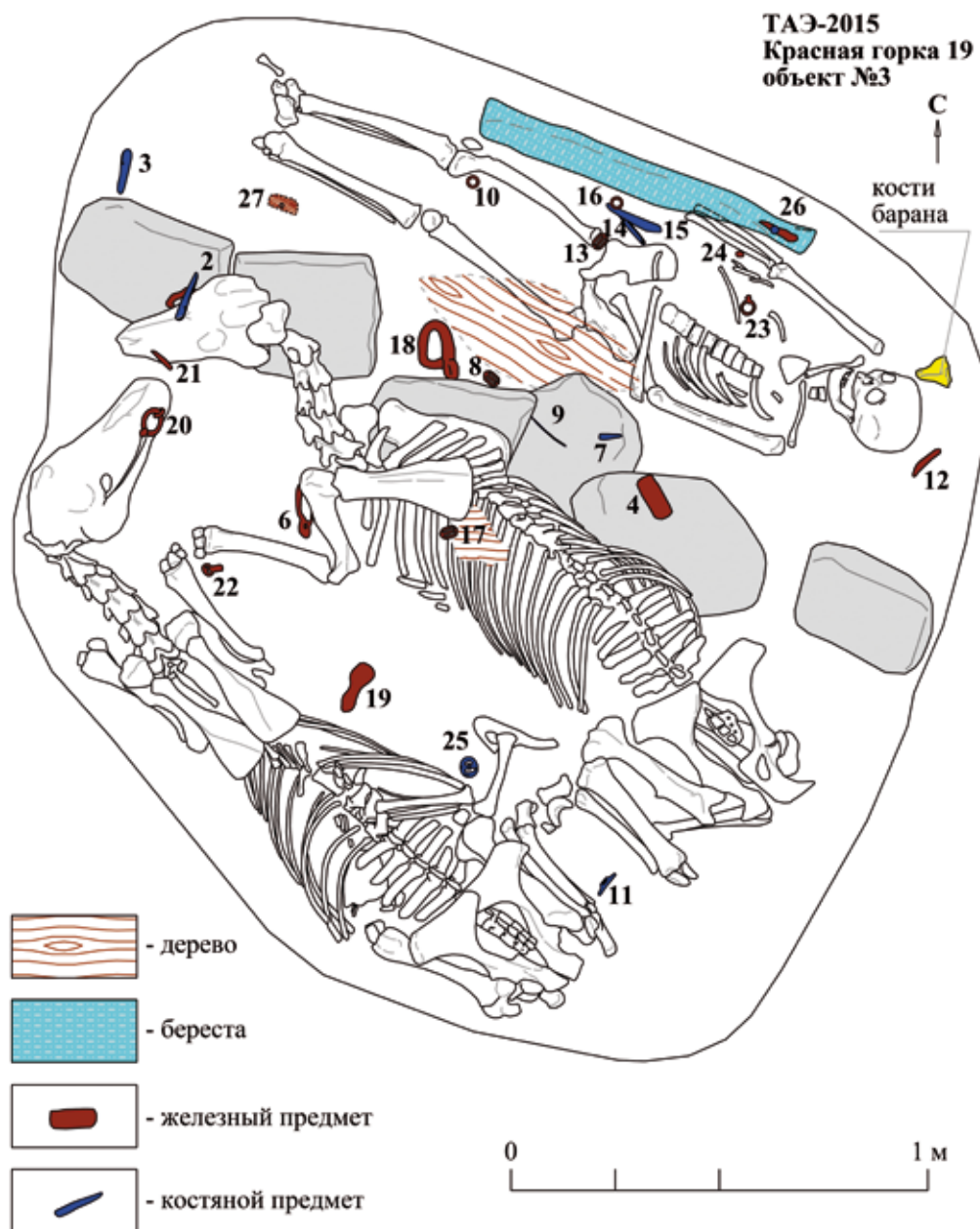

Рис. 4. Красная Горка-19, объект №3. План погребения

вольно грацильная, по меркам того времени – высокая. По классификации Браунера относится к полутонконогим лошадям. При такой высоте в холке и тонконогости ее можно отнести к так называемым захудалым верховым (по меркам раннего средневековья – редкость). Таким образом, в курган был положен не старый верховой конь с высокими для своего времени характеристиками, видимо, дорогой».

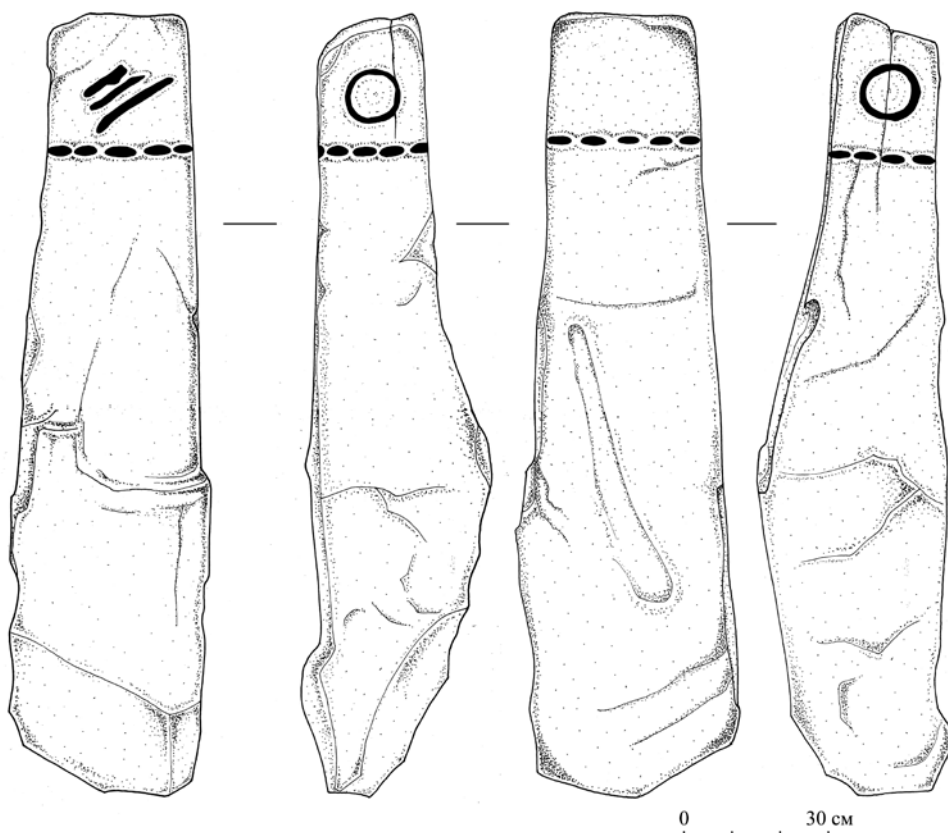

Рис. 5. Красная Горка-19, объект №3. Переиспользованный «оленный» камень

Конь был взнуздан (рис. 6.-21)*, рядом зафиксированы парные стремяна (рис. 6.-6, 18), на спине обнаружены остатки дерева, по всей видимости, от седла. Также обнаружена железная подпружная пряжка (рис. 6.-17). Судя по ее расположению, седлали коня слева, как делают и до сих пор.

По определению археозоолога, «южный конь – самец, следов забоя нет. Весьма молодой – 4 года, высота в холке около 130 см. Лошадь довольно грациальная, ее также можно отнести к полутонконогим лошадям по классификации Браунера и к «захудалым верховым». Конь, как и предыдущий, для своего времени хороший и, вероятно, дорогой».

Конь был взнуздан (рис. 7.-20), рядом зафиксированы одно стремя (рис. 7.-19), несколько отличающееся от стремян северного коня, и роговая резная подпружная пряжка (рис. 7.-25). Наличие только одного стремяни для тюркских погребений в Туве довольно обычно [Трифонов, 2013, с. 57].

Между конями, у задних ног, обнаружена «цурка», «костяная застежка для пут» (рис. 7.-11), а у передних ног найдена железная пряжка (рис. 7.-22). Возможно, это пряжка от ремня, которым кони были стреножены, но она может быть в общем-то и уздечной пряжкой.

* Данная нумерация найденных предметов на рис. 6–9 соответствует обозначениям, сделанным на плане погребения (рис. 5).

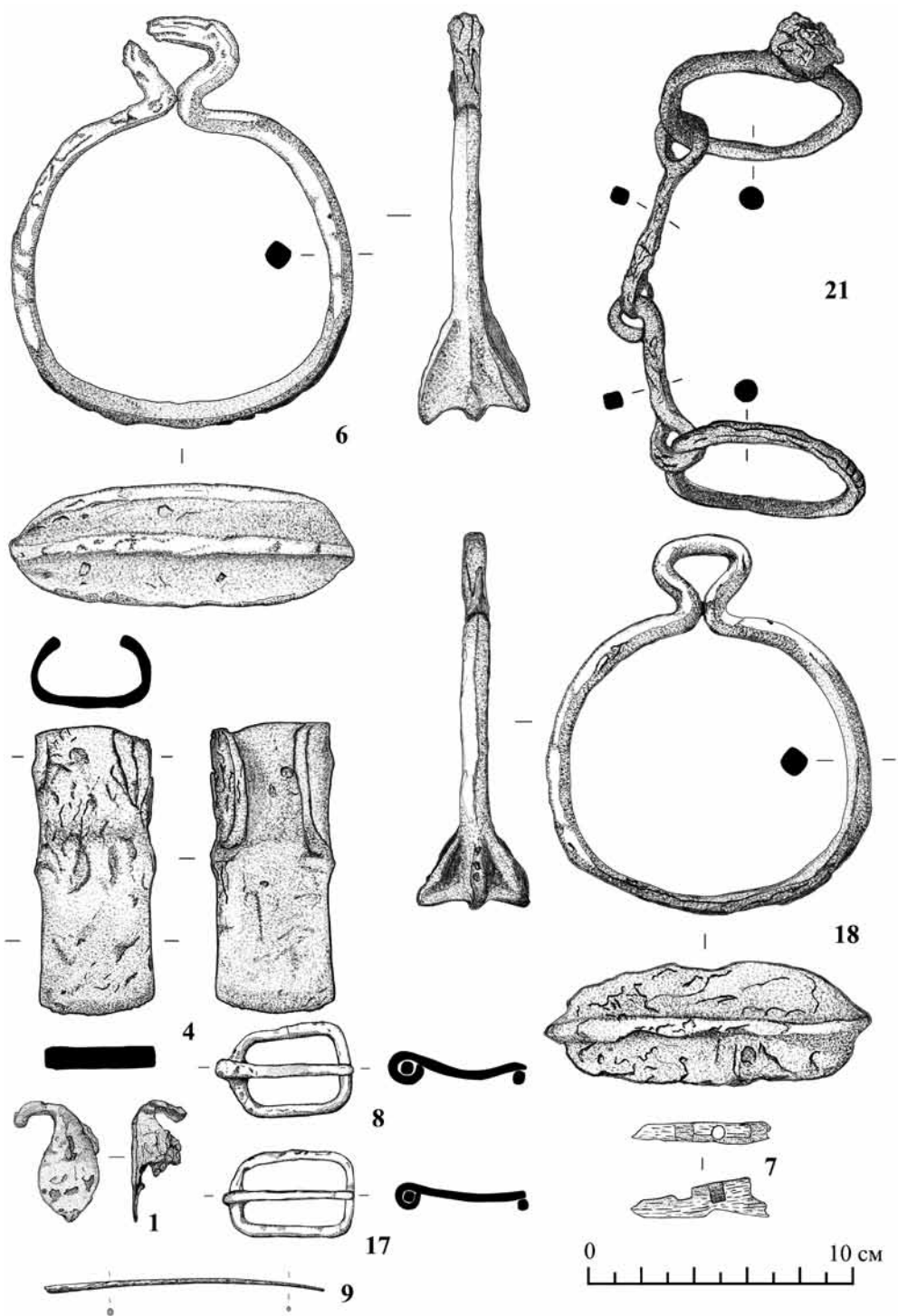

Рис. 6. Красная Горка-19, объект №3. Находки: 7, 9 – кость (рог), остальное – железо

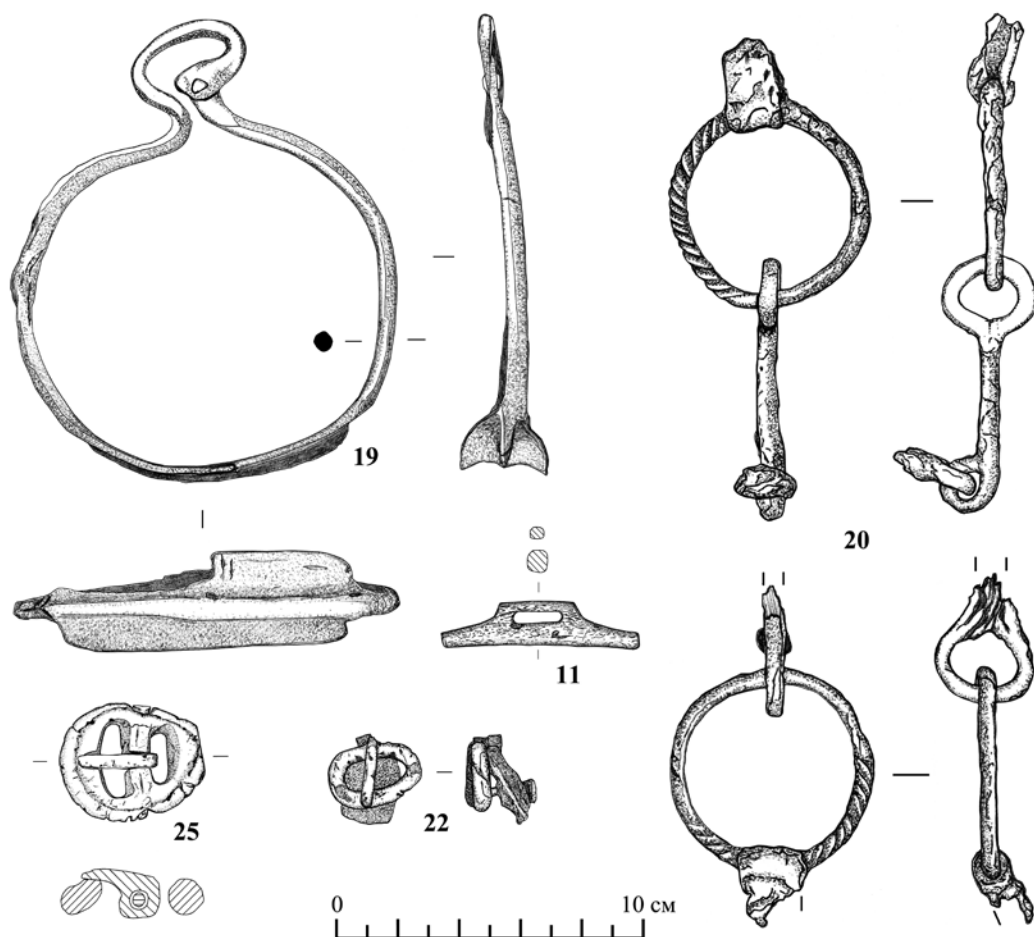

Рис. 7. Красная Горка-19, объект №3.
Находки: 11, 25 – кость (рог), остальное – железо

На верхнем уровне ряда вертикально поставленных камней, отделявших подбой от основной ямы, зафиксировано несколько предметов: железные топор-тесло и пряжка (рис. 6.-4, 8), костяная «игла» и плохо сохранившийся костяной предмет, возможно, фрагмент псаля (рис. 6.-9, 7), которые попали в яму, наиболее вероятно, уже после закрытия подбоя. Возможно, они были приторочены к седлу северного коня, такое уже отмечалось [Кубарев, 2005, с. 74].

Железный топор-тесло – очень характерная находка для памятников рассматриваемого времени. Обычно его включают непосредственно в состав погребального инвентаря. Его расположение вне подбоя позволяет предположить, что он, возможно, использовался в процессе погребения и оставался после этого в яме. Такое же расположение топора-тесла отмечено в памятниках Кара-Тал-I-3 [Трифонов, 2013, с. 35], Аймырлыг-V-3, Аймырлыг-VIII-52 [Овчинникова, 2013а, с. 118, 119], да и в целом в большинстве тюркских захоронений [Серёгин, 2014, с. 183], но в некоторых случаях оно все же находится внутри подбоя.

На том же уровне (на 0,2–0,3 м выше уровня погребения) в северо-западной части ямы найдены концевые накладки на лук (рис. 8.-2, 3). Деревянных частей лука не сохранилось совсем. Лук, скорее всего, до погребения был сломан (или же в погребение были положены только костяные накладки, что менее вероятно).

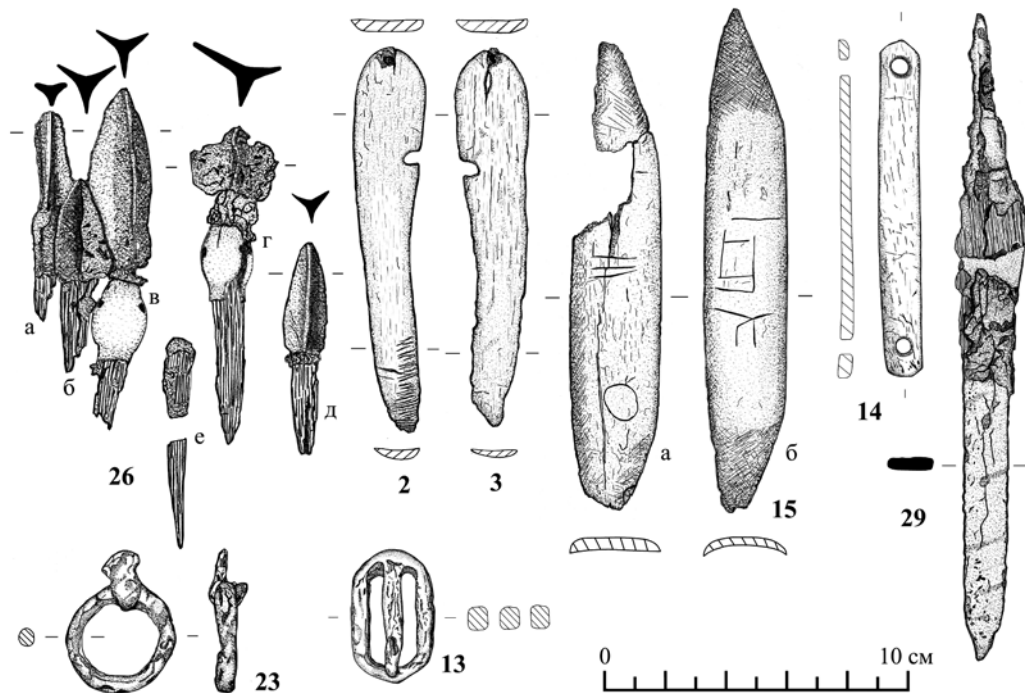

Рис. 8. Красная Горка-19, объект №3. Находки; 2, 3, 14, 15 – кость (рог), 26 – дерево, кость и железо, 29 – дерево и железо, остальное – железо

Погребение совершено в подбое, вытянуто на спине, левая рука чуть согнута и лежала на животе, головой умерший был ориентирован на восток – юго-восток, в противоположную сторону относительно коней. По определению Е.Н. Учаневой (Кунсткамера), останки принадлежат мужчине в возрасте 45–55 лет с прижизненной утратой большинства зубов верхней и нижней челюстей, прижизненными трещинами на ребрах с левой стороны сзади со следами заживления. Также у погребенного срослись три позвонка поясничного отдела, что, наверняка, выражалось в ограничении подвижности.

Очень плохо сохранившиеся остатки дерева зафиксированы как над, так и под погребенным. Возможно, он был погребен в конструкции из тонких досок, от которой практически ничего не осталось. Это иногда прослеживается на синхронных памятниках [Трифонов, 2013, с. 19, Овчинникова, 2013а, с. 121].

Над головой погребенного мужчины зафиксированы остатки мясной пищи и железный нож. Над правой рукой лежал берестяной колчан. Он того же типа (расширяющийся книзу, «с открытым «карманом»»), что и на синхронных памятниках. Длина – 74 см (основная часть) и 20 см (открытая).

В верхней, открытой части колчана зафиксированы пять железных наконечников стрел, в том числе с костяными свистящими насадками (рис. 8.-26). Стрелы были

уложены в колчане наконечниками вверх, древки стрел практически не сохранились. Внутри колчана находился железный нож с остатками деревянных ножен (рис. 8.-27). Он виден на снимке в рентгеновских лучах, сделанном до реставрации (рис. 9)*.

Возле левой ноги обнаружены остатки небольшого деревянного изделия с круглыми отверстиями. Видимо, это приспособление для разжигания огня, известное в синхронных памятниках Тувы, например, на могильном поле Аргалыкты [Трифонов, 2013, с. 88, 102] или на Кокэльском могильнике [Вайнштейн, 1966, с. 341], не говоря уже о более широких и дальних аналогиях.

Рис. 9. Красная Горка-19, объект №3. Берестяной колчан в рентгеновских лучах и некоторые изделия из кости

Возле правого колена, чуть справа от пояса и на груди зафиксированы остатки железных колец очень плохой сохранности. В одном случае (рис. 8.-23) выявлена железная основа, все остальное заместилось окислами. Это, наиболее вероятно, остатки широко распространенного в то время тройника-распределителя ремней, который использовался для крепления колчана.

Чуть справа от пояса найдены также железная пряжка (рис. 8.-13), две боковые центральные накладки на лук (рис. 8.-15) и, возможно, центральная фронтальная (рис. 8.-14). По расположению костяная накладка (рис. 8.-14) кажется однозначно относящейся к луку. Смущает только отсутствие расширений к концам, обычно характерное для этой категории, и наличие отверстий, никак пока не объяснимое функционально. Лук, как мы уже отмечали, был положен в погребение в сломанном виде.

* Автор выражает благодарность Н.С. Курганову и К.В. Горлову (ИИМК РАН) за прекрасно отреставрированные находки.

Менее вероятно (но все же возможно), что эта костяная накладка относится все-таки к поясу или к колчану, тем более что костяные накладки с отверстиями на колчан достаточно широко распространены, но обычно, конечно, орнаментированные.

Боковые центральные накладки – самые важные, пожалуй, находки. На каждой изображено по три знака (один утрачен). Надписи на костяных накладках довольно редки, но встречаются. Из близких памятников это Аймырлыг-VIII-52 [Овчинникова, 2013а, с. 133], Хулхийн ам-14 в Монголии [Очир и др., 2015, с. 96]. Бывают и просто рисунки, как, например, на Даг-Аразы-V-1 [Овчинникова, 2013б, с. 167].

В нашем случае это, наверное, все-таки не текст, таких букв нет ни в орхонских, ни в енисейских, ни в каких-то других территориально близких алфавитах. Можно пока считать эти знаки тамгами, хотя и не совсем понятно, зачем одному человеку на одном предмете их нужно целых шесть.

Отдельно можно отметить, что два наиболее выразительных знака («птичья лапка» со сломанным налево центральным пальцем и знак в виде цифры «9», исполненный в виде фигуры с только прямыми углами) не имеют прямых аналогий в зафиксированных тамгах или тамгообразных знаках Тувы (мы не знаем соответствий и в сопредельных регионах). Формальное сходство со «следом птичьей лапы» памятника Уюк-Аржан [Кызласов, 1960, с. 100], на наш взгляд, случайное. Пропорции там совершенно иные, других вариантов усложнения этого знака неизвестно.

Заключение

Тюркские погребения с конем в Туве, исходя из общеисторических представлений, могли бы датироваться 2-й половиной VI – 1-й половиной VIII в., т.е. эпохой существования каганатов. В то же время традиция погребения с конем в Туве продолжалась и в «уйгурское» время, и, видимо, позже [Трифонов, 2013, с. 68]. Одной из причин отнесения подбойных захоронений в Туве ко времени не ранее VIII в. служило как раз предполагаемое уйгурское влияние на конструкцию могильной ямы [Овчинникова, 2013б, с. 151]. Не вдаваясь в историографию этого представления [Серёгин, 2012], отметим, что отличия в инвентаре подбойных захоронений от бесподбойных в Туве в целом не выявлены.

Все вышеуказанное позволяет предположить только традиционно широкую дату для публикуемого комплекса – VII–VIII вв. Представленные железные и костяные предметы могли использоваться в то время. Более надежным хронологическим индикатором обычно являются детали наборного пояса, да и в целом изделия из бронзы, которые, не являясь сугубо функциональными, в большей степени подвержены моде. Но в публикуемом комплексе бронзовых предметов нет вовсе, и это, возможно, свидетельствует скорее о времени до VIII в., когда в относительно богатом захоронении (с двумя хорошими конями) были бы и бронзовые накладки на пояс, да и S-видные псалии. К архаичным признакам можно отнести и единственное стремя и его несомкнутость у южного коня.

В отличие от предшествующих и последующих периодов, в тюркское (в узком смысле этого слова) время археологические памятники Тувы практически лишены какой-то собственной локальности. Синхронные материалы Монголии и Алтая чрезвычайно близки и могут рассматриваться как единая археологическая культура. В то же время территория Тувы изучена очень неравномерно, основная масса тюркских погребений раскопана на 100–150 км западнее, хотя и на том же (левом) берегу Улуг-Хема. Этой публикацией мы надеемся заполнить некоторый территориальный пробел.

Библиографический список

- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. Т. II. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 292–347.
- Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Вып. 6. СПб. : ООО «Периферия», 2017 (в печати).
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. №3. С. 93–120.
- Овчинникова Б.Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013а. С. 115–138.
- Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013б. С. 139–172.
- Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б., Та Ла, Чен Ен Жи, Сун Гуо Дун, Юй Гоу Мин. Хулхийн амны-Г дорволжингийн малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2015. 260 с. (на монг. яз.).
- Садыков Т.Р. О так называемых «поминальниках» кокзельской культуры Тувы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 269–276.
- Серёгин Н.Н. Могилы с подбоем в обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 134–142.
- Серёгин Н.Н. Особенности расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Древности Сибири и Центральной Азии. №19. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. С. 181–193.
- Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 13–114.

T.R. Sadykov

TURKIC BURIAL GROUND IN THE BAY-BULUN AREA IN CENTRAL TUVA

The Krasnaya Gorka grave field located in Central Tuva on the left bank of the Ulug-Khem (Yenisei) in the Bai-Bulun area was studied by the Tuva archaeological expedition of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) in 2015. The article presents a full publication of the materials of two Objects (Nos. 3 and 5) of the Krasnaya Gorka-19 monument, which belongs to the Turkic period.

Object number 3 – underground burial in the grave with two accompanying horses and the stele installed in 3 m to the east – south-east made of a “deer” stone, dug upside down. The burial is not robbed, all the equipment is presented. Anthropological and paleozoological determinations are given, a brief interpretation of the complex is given and its place is noted in the circle of synchronous monuments of Tuva and Central Asia.

Special attention is given to the carved signs (possibly tamgas) on the central horn overlays on the bow. There is a lack of direct analogies to these signs in the Orkhon and Yenisei alphabets, as well as in the body of well-known tamgas and tamga-like signs of Tuva and adjacent territories.

Key words: Tuva, Turks, mound, burial with horse, tamga.

References

- Vaynshteyn S.I. Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the Second Half of the First Millennium in Western Tuva]. Trudy TKAEE. T. II [Proceedings of the TKAEE. Vol. II]. М. ; Л. : Nauka, 1966. Pp. 292–347.
- Kilunovskaya M.E., Bokovenko N.A., Lazarevskaya N.A., Sadykov T.R., Semenov V.I.A., Smirnov N.Yu. Issledovaniya arkhеologicheskikh pamyatnikov v urochishche Bay-Bulun v 2015 g. (Tuvinskaya arkhео-

logicheskaya ekspeditsiya IIMK RAN) [Studies of Archaeological Sites in the Bai-Bulun Tract in 2015 (Tuva Archaeological Expedition IHMC RAS)]. Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. Vyp. 6 [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Issue 6]. SPb. : OOO "Periferiya", 2017 (in print).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov [Culture of the Ancient Turks of Altai. Based on Materials of Funerary Monuments. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kyzlasov L.R. Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New Dating of Monuments of the Yenisei Writing]. Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]. 1960. №3. Pp. 93–120.

Ovchinnikova B.B. Pamyatniki drevnetyurkskoy epokhi mogil'nika Aymyrylg [Monuments of the Ancient Türkic Era of the Aymyrlig Burial Ground]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013a. Pp. 115–138.

Ovchinnikova B.B. Pogrebal'no-pominal'nyy kompleks drevnikh tyurok na mogil'nike Dag-Arazy [Funeral and Memorial Complex of Ancient Turks on the Dag-Araz Grave]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013b. Pp. 139–172.

Ochir A., Odbaatar Ts., Erdenebold L., Ankhbayar B., Ta La, Chen En Zhi, Sun Guo Dun, Yuy Gou Min. Khulkhiiyn amny-I dorvolzhingiyn maltlaga sudalгаа. Ulanbaatar, 2015. 260 p. (in Mongolian).

Sadykov T.R. O tak nazyvaemykh "pominal'nikakh" kokel'skoy kul'tury Tuvy [On the So-Called "Commemoratives" of Cockelian Culture of Tuva]. Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya. T. 1 [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 1]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 269–276.

Seregin N.N. Mogily s podboem v obryade rannesrednevekovykh kochevnikov Sayano-Altaya [Graves with a Cave in the Rite of Early Medieval Nomads of Sayano-Altai]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, Issue 7th]. Pp. 134–142.

Seregin N.N. Osobennosti raspolozheniya inventarya v pogrebeniyakh rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona [Features of the Location of Inventory in the Burials of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region]. Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii. №19 [Antiquities of Siberia and Central Asia. №19]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2014. Pp. 181–193.

Trifonov Yu.I. Pamyatniki drevnetyurkskogo vremeni v Tsentral'noy Tuve [Monuments of Ancient Türkic Time in Central Tuva]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013. Pp. 13–114.